

Г. ИВАНОВ

В. Сирин. «Машенька», «Король, дама, валет», «Защита Лужина», «Возвращение Чорба»

Имя В. Сирина мелькает уже давно в газетах и журналах, но только в последнее время о Сирине «заговорили». Заговорили главным образом в связи с его двумя последними романами — «Король, дама, валет», вышедшим в 1928 году, и «Защита Лужина», печатающимся в «Современных записках».

В «Короле, даме, валете» старательно скопирован средний немецкий образец. В «Защите Лужина» — французский. Это очевидно, это бросается в глаза — едва перелистаешь книги. И секрет того, что главным образом пленило в Сирине некоторых критиков, — объясняется просто. «Так по-русски еще не писали». Совершенно верно — но по-французски и по-немецки так пишут почти все... Что до того — все-таки критика пленина — она от века неравнодушна к «новому слову» — особенно если «новизна» эта оказывается ручной, доступной, общепонятной... Г. Адамович резонно указал, что «Защита Лужина» могла бы появиться слово в слово в *«Nouvelle Revue Française»* и пройти там, никем не замеченной, в сером ряду таких же, как она, «средних» произведений текущей французской беллетристики¹. Но *«Nouvelle Revue Française»*² у нас никто не читает, а по-русски... «по-русски так еще никто не писал».

Не принадлежа к числу людей, которым одно обстоятельство, что «так еще не писали», кажется многообещающим или хотя бы просто привлекательным, я все же с большим вниманием прочел все, написанное Сириным, — внимание он, конечно, останавливает. Я сказал бы больше — он возбуждает и Доверие к себе, и некоторые надежды... покуда читаешь лучшую (неоконченную еще) его вещь — «Защиту Лужина». Оригинал (современные французы) хорош, и копия, право, недурна. От «Короля, дамы, валета» — тоже очень ловко, умело, «твердой

рукой» написанной повести — уже слегка мутит: слишком уж явная «литература для литературы». Слишком «модная», «сочная» кисть и «тепл современности» чрезмерно уловляется по последнему рецепту самых «передовых» немцев. Но и «Король, дама, валет», хотя и не искусство и не «вдохновение» ни одной своей строкой (как и «Защита Лужина»), — все-таки это хорошо сработанная, технически ловкая, отполированная до лоску литература, и как таковая читается и с интересом и даже с приятностью. Но, увы — кроме этих двух романов у Сирина есть «Машенька». И, увы, кроме «Машеньки» есть лежащая сейчас передо мной только что вышедшая книга рассказов и стихов «Возвращение Чорба». В этих книгах до конца, как на ладони, раскрывается вся писательская суть Сирина. «Машенька» и «Возвращение Чорба» написаны до счастливо найденной Сириным идеи перелицовывать на удивление соотечественникам «наилучшие заграничные образцы», и писательская его природа, не замаскированная заимствованной у других стилистикой, обнажена в этих книгах во всей своей отталкивающей непривлекательности.

В «Машеньке» и в «Возвращении Чорба» даны первые опыты Сирина в прозе и его стихи. И по этим опытам мы сразу же видим, что автор «Защиты Лужина», заинтриговавший нас мнимой <сложностью своей мнимой духовной жизни>³, — ничуть не сложен, напротив, чрезвычайно «простая и целостная натура». Это знакомый нам от века тип способного, хлесткого пошляка-журналиста, «владеющего пером» и на страх и удивление обычайту, которого он презирает и которого он есть плоть от плоти, «закручивает» сюжет «с женщиной», выворачивает тему, «как перчатку», сыплет дешевыми афоризмами и бесконечно доволен.

Довольны и мы. То инстинктивное отталкивание, которое смутно внушал нам Сирин, несмотря на свои кажущиеся достоинства, — определено и подтверждено. В кинематографе показывают иногда самозванца — графа, втирающегося в высшее общество. На нем безукоризненный фрак, манеры его «сверх благородства», его вымыщенное генеалогическое дерево восходит к крестоносцам... Однако все-таки он самозванец, кухаркин сын, черная кость, смерд. Не всегда, кстати, такие самозванцы непременно разоблачаются, иные так и остаются «графами» на всю жизнь. Не знаю, что будет с Сириным. Критика наша убога, публика невзыскательна, да и «не тем интересуется». А у Сирина большой напор, большие имитаторские способности,

большая, должно быть, самоуверенность... При этих условиях не такой уж труд стать в эмигрантской литературе чем угодно, хоть «классиком». Впрочем, это уже вне моей темы, ибо вне литературы в ее подлинном, «не базарном» смысле.

«Машенька» и рассказы Сирина — пошлость не без виртуозности. «Покатилась падучая звезда с неожиданностью сердечного перебоя»⁴. «Счастье и тишина, а ночью рыжий пожар, рассыпанный на подушке»⁵ и т. п. Стихи просто пошли. Князь Касаткин-Ростовский⁶, Ратгауз⁷ (в лирическом плане), Саша Черный (когда Сирин хочет иронизировать), Дмитрий Цензор⁸ (вот кого приходится вспоминать в 1930-м году), когда он чувствует желание быть модернистом. Интересное все-таки духовное родство у автора «Защиты Лужина», новатора-европейца и надежды эмигрантской литературы! Впрочем, Сирин человек способный и если постараешься, то легко перещеголяет своих поэтических учителей, — как перещеголял уже прозаических: Анатолия Каменского⁹, Б. Лазаревского¹⁰, каких-то второсортных «эстетов», изысканные новеллы которых в доброе старое время издавала «Нива». Только стоит ли стараться: и без этого один критик уже объявил о нем авторитетно: «исключительный мастер стиха».

В этом номере «Чисел» как раз помещены вещи двух авторов: Ю. Фельзена¹¹ и Г. Газданова¹², творчество которых развилось под знаком той же новой французской литературы, имитатором которой показал себя Сирин в «Защите Лужина». В ближайшее время выйдут и романы этих обоих авторов. И Ю. Фельзен, и Г. Газданов бесконечно далеки по самому своему существу от того, что делает Сирин. Их связь с французской литературой — органическая и творческая связь. Вот и посмотрим, как примет их наша «авторитетная» критика. Лично я убежден, что примет скверно. Инстинкт великое дело — у людей антитворческих есть свой особый инстинкт, развитый чрезвычайно, как нюх у собак. Инстинктом они сейчас же чуют голос подлинного искусства и сейчас же враждебно на него настораживаются. Сирины в этом смысле бесконечно счастливее Фельзенов — у первых всюду инстинктивные друзья, у вторых повсюду инстинктивные враги.

